

ВОЗМУЩЕНІЕ СТАРАГО ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ СЕМЕНОВСКАГО ПОЛКА.

1820.

Исторія такъ-называемаго «бунта Семеновскаго полка» 1820 г. въ настоящее время довольно разъяснена многими обнародованными документами и разсказами современниковъ. Къ числу послѣднихъ,—единственно какъ исторической матеріалъ,—присоединяемъ еще одно сказаніе — сообщенное намъ, при посредствѣ П. А. Ефремова, въ рукописномъ сборникѣ, извѣстномъ ученымъ, имѣ уже покойнымъ — А. Н. Аванасьевымъ.

Разсказъ изложенъ пристрастно и очевидная дѣль его — оправдать преступленіе Семеновцевъ противъ дисциплины и порядка военной службы; но такъ какъ многія подробности и самое изложеніе свидѣтельствуютъ, что авторъ былъ современникомъ событія и писалъ подъ свѣжимъ, живымъ впечатлѣніемъ происшествія, то все это придаетъ особый интересъ разсказу.

Къ сожалѣнію, мы находимся вынужденными значительно сократить его, выпустивъ въ разныхъ мѣстахъ до 67 строкъ. Это пропуски не касаются, однако, фактической стороны разсказа, въ нихъ заключаются лишь сужденія автора о дисциплинѣ, объ отношеніи власти къ войску и т. п.,—сужденія конечно, весьма интересныя, потому что они знакомятъ со взглядами людей 1820-хъ годовъ,—но мы ихъ не можемъ напечатать. Ред.

.....

Васильчиковъ, въ которомъ природа соединила ограниченный умъ и большое терпѣнье, слабый характеръ и сильное желаніе возвыситься, недостатокъ и неразборчивость способствъ, съ помощію пронырства неизвѣстнаго, грубаго голоса лести, но еще болѣе по духу времени,—Васильчиковъ былъ назначенъ въ начальники гвардіи*). Чтобъ удержать себя на семъ мѣстѣ, ему надлежало исполнить

*) Всѣ эти отзывы во многомъ отношеніи пристрастны; мы имѣемъ документы, которые рисуютъ Васильчикова въ другомъ свѣтѣ. Бумаги эти будутъ напечатаны на страницахъ «Русской Старины». Ред.

то, чего отъ него ожидали, т.-е. довести гвардію до мнимаго совершенства. Для сего ему необходимо было безпрекословное повиновеніе. Но такъ какъ гвардейскими полками начальствовали люди, изъ которыхъ нѣкоторые чинами и годами были ему равные, многіе умомъ его превосходящіе, то онъ рѣшился всѣхъ ихъ удалить, а начальство поручить своимъ тварямъ, въ чемъ и успѣлъ. Тутъ онъ не расчелъ одного, что люди, которыми онъ легко могъ управлять, не могли управлять другими.

Семеновскій полкъ достался Шварцу и противъ него взбунтовался — если можно только назвать бунтомъ справедливыя и законныя требованія людей, притѣсненныхъ безразсуднымъ начальникомъ. Шварца нельзя впрочемъ строго судить, нельзя предположить, чтобъ человекъ въ здоровомъ умѣ могъ быть столько жестоко, несправедливо и низко.

Генераль-маіоръ Потемкинъ, отлично служившій въ прошедшую войну, любимый солдатами, уважаемый офицерами, былъ душою и командиромъ полка. Васильчиковъ удалилъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что полкъ распущенъ. Шварцъ, начальникъ армейскаго полка, въ которомъ оставилъ по себѣ незабвенную память (полкъ назвали его именемъ), незадолго предъ симъ произведенный въ лейбъ-гренадеры, ученикъ Желтухина,, по выбору Васильчикова, назначенъ былъ преемникомъ Потемкина. Шварцу не для чего было стараться не походить на Потемкина. Онъ, по собственному убѣжденію, сталъ поступать совершенно противнымъ образомъ: ученья предъ прежнимъ утроены были, не соображаясь даже съ силою людей, и множество больныхъ было слѣдствіемъ сего перваго распоряженія; но полкъ видимо началъ маршировать лучше и Шварца хвалили старшіе, извиняли младшіе! Онъ пересталъ пускать солдатъ на работу, говоря, что они, выправленные на ученья, поработавъ, теряютъ солдатскую стойку. Онъ не боялся причину сію говорить громко. Ее приняли какъ утонченіе военнаго искусства; однакожь доходы солдата уменьшались, а расходы ежедневно прибавлялись, потому что чистоплотный полковникъ требовалъ необыкновенной чистоты и опрятности, и въ два мѣсяца 1-я рота употребила свои артельныя деньги, на говядину опредѣленную, на щетки и мѣлъ. Изнуреніе и бѣдность произвели всеобщее неудовольствіе, только страхъ заграждалъ уста. Шварцъ, неистощимый въ притѣсненьяхъ, вѣжеться, взялся быть мѣриломъ терпѣнья русскаго солдата. Онъ приказалъ, чтобъ всякій день роты по очереди присылали къ нему по 10-ти дежурныхъ, что было названо десятками. Ихъ училъ онъ для развлеченія отъ дневныхъ трудовъ въ залѣ и они были мучениками

его бѣшеннаго сумасбродства. Ихъ раздѣляли до-нага, заставляли неподвижно стоять по цѣлымъ часамъ, ноги связывали въ лубки, кололи ножами и вилками, рвали усы, плевали въ глаза,—однимъ словомъ, дѣлали все то, что выдумывалъ полковникъ, который въ это время лежалъ навзничъ на полу и стучалъ ногами и руками въ землю, и презрѣнные съ ненавистью дѣлили чувства побѣдителей Кульма и Бородина!

Наконецъ верхъ безразсудства повѣнчалъ жестокости. Гренадерскія роты были составлены изъ людей, отличныхъ заслугами и покрытыхъ ранами. Они имѣли предъ прочими ротами особая права и получали двойное жалованье. Изъ природы вещей произтекающее разнообразіе въ сихъ ротакъ не понравилось, и красивыхъ людей стали переводить, безъ всякихъ другихъ заслугъ, въ гренадерскія роты,—заслуженныхъ и старыхъ гренадеръ, безъ всякой вины, перемѣщать въ другія, и тѣмъ лишали ихъ не только денежныхъ выгодъ, но и заслуженныхъ почестей, столь драгоцѣнныхъ солдату, ибо онѣ — цѣна крови!

Явная несправедливость подѣйствовала сильно, и совокупясь съ вышеозначенными причинами, довела ненависть до высочайшей степени. Презрѣнья не скрывали, роптали громко и явно косились.

Офицеры, столь же недовольные Шварцомъ за его грубое и невѣжественное обращеніе съ ними, не только не старались остановить солдатъ, но еще внутренно радовались сему движенію. Хотя изъ осторожности никто изъ нихъ не принималъ дѣятельнаго участія, но чувства каждаго, вырываясь невольно, болѣе и болѣе воспламеняли угнетенныхъ страдалцевъ. Всѣ кипѣли и волновались. По привычкѣ къ тишинѣ, новость неповиновенія и темная надежда на инспекторскій смотръ еще удерживали рѣшительный шагъ. Одинъ Шварцъ, занятый ученьями и смотрами, ничего не зналъ и не подозрѣвалъ. Наконецъ давно всѣми и съ нетерпѣніемъ ожидаемый инспекторскій смотръ приспѣлъ. Корпусный командиръ зналъ объ нѣкоторыхъ неудовольствіяхъ солдатъ на Шварца, но тоже зналъ, что Шварцъ любимецъ великаго князя Михаила Павловича. Никогда не умѣя соображать двухъ мыслей, Васильчиковъ не сталъ задумываться и искать способа согласить двѣ противоположныя выгоды. Онъ хотѣлъ, подобно Александру, разсѣчь гордіевъ узелъ, и вмѣсто того, чтобы быть человекомъ и генераломъ, онъ выбралъ роль придворнаго, дабы сохранить формы, которыя однѣ свято наблюдались. Васильчиковъ выѣхалъ предъ фронтъ и громко возвѣстилъ, „что буде кто осмѣлится произнести жалобу на начальника, тотъ будетъ прогнанъ сквозь строй“. Тогда, отдѣливъ офицеровъ отъ солдатъ, началъ спрашивать

о претензіяхъ. Всѣ, пораженные не столько страхомъ, сколько удивленіемъ, молчали. Смотръ кончился и солдаты съ кипящею яростью и негодованіемъ разошлись по казармамъ.

Шварцъ получилъ благодарность за опрятность и устройство и за хорошее обхожденіе съ подчиненными, и Васильчиковъ, довольный насмѣшкою здравому смыслу, поѣхалъ къ нему завтракать.

Ободренный Шварцъ продолжалъ свои угнетенья, которыя тѣмъ тягостнѣе становились, чѣмъ способн ихъ выносить уменьшались. Несчастные солдаты, потерявъ послѣднюю надежду, истощивъ все терпѣнье и думая еще, что потому только допускають ихъ мучить, что не знаютъ до какой степени страданья они доведены, рѣшились довести до свѣдѣнія начальства всѣ безконечные варварскіе поступки Шварца, но хотѣли испытать, не образумится ли онъ самъ: столь боялись самой тѣни ослушанья! Всѣ роты взаимно обѣщались клятвою не отставать другъ отъ друга ни въ какомъ случаѣ. Возложили на государеву роту, такъ-названную главу полка, обязанность подать первымъ голосъ и принести первую жалобу, — и рота сію честь приняла съ радостью и дѣйствовать рѣшилась.

Послѣ переключки, на которой рота не могла говорить, потому что въ строю солдатъ обязанъ молчать, рота собралась въ казармахъ и послала просить къ себѣ своего капитана Кошмарева. Капитанъ призываетъ немедленно и рота единогласно просить его ѣхать къ полковнику Шварцу и объяснить ему, что они угнетены ученьями, разорены непосволеніемъ работать на волѣ и непомярымъ требованіемъ чистоты и щегольства. На вопросъ капитана: „Чѣмъ они особенно угнетены?“ отвѣчаютъ: „десятками, и что полковникъ имъ особенную сдѣлаетъ милость, если ихъ отиѣнитъ!“

Капитанъ обѣщавъ все исполнить по ихъ просьбѣ, приказалъ ротѣ разойтись, и она разошлась.

Кошмаревъ тотчасъ ѣдетъ къ Шварцу, излагаетъ ему проществіе какъ было, и просить его войти въ положеніе солдатъ, которыхъ просьба кажется ему справедливою, и представляетъ, что упрямство въ семъ случаѣ можетъ имѣть вредныя послѣдствія.

Шварцъ отвѣчаетъ ему строгимъ выговоромъ, укоряетъ въ слабости и увѣряетъ, что онъ завтра все кончитъ.

Кошмаревъ уѣхалъ, но Шварцъ, не взирая на свою наружную бодрость, покоенъ не былъ, на себя не надѣялся и боялся одинъ показаться солдатамъ, которыхъ ненависть онъ зналъ. Робость съ жестокостью часто одна другую рождаетъ.

Могъ или не могъ корпусный командиръ разобрать сіе дѣло, при-

шла ли ему мысль усомниться въ истинѣ разсужденія, но онъ постарался заглушить ее,—или вовсе не пришла,—неизвѣстно! Но слѣдствіемъ сего было то, что онъ, положась на ихъ свидѣтельство, рѣшился роту наказать. Какими причинами онъ тутъ руководствовался—мудрено рѣшить, потому что дворъ и ничтожество всегда его дѣлили между собою!

Опасаясь употребить явную строгость, онъ прибѣгнулъ къ коварству. Приказавъ спрятать баталіонъ Павловскихъ гренадеръ съ заряженными ружьями въ экзерциргаузъ, послалъ повелѣніе въ Семеновскій полкъ, чтобы пригласили капитана Кошмарева съ ротой, но безъ офицеровъ и въ полуформѣ въ экзерциргаузъ для справки объ амунниціи. Кошмаревъ роту повелъ. При входѣ въ манежъ, Васильчиковъ ихъ спросилъ:

— „Вы недовольны Шварцемъ?“

— Точно такъ, ваше превосходіе! былъ единодушный отвѣтъ роты.

Тутъ Васильчиковъ изъявилъ имъ свое негодованіе и, окруживъ гренадерами, повторилъ вопросъ, угрожая крѣпостью.

Они повторили отвѣтъ, хотя чрезвычайно удивились вооруженію. Ихъ повели въ крѣпость въ 10 час. утра.

Между тѣмъ полкъ отгадывалъ участь роты, ожидалъ ее съ нетерпѣніемъ безпокойства. Солдаты ходили по казармамъ, собирались и разсуждали.

Офицеровъ никого не было. Долговременное отсутствіе ихъ встревожило, сомнѣнья усилились, родился ропотъ, слышны были нареканья, напоминали другъ другу данную клятву; до нихъ доходили глухія вѣсти, которыя умножали безпорядокъ и утверждали въ истинѣ предположеній. Они почувствовали бѣду товарищей и движимые обыкновеннымъ толпѣ великодушіемъ, рѣшились пожертвовать собою, или всѣмъ погибнуть, или облегчить ихъ участь!

Между тѣмъ наступила ночь. Дежурные офицеры, пріѣхавъ, возстановили порядокъ, развели роты по отдѣленіямъ и все, казалось, умолкло.

Наружная тишина царствовала, но покоя не было. Всѣ молчали, но никто не спалъ, никто не двигался, но всѣ готовы были. Вдругъ въ полночь 1-я рота выходитъ изъ своего отдѣленія и идетъ къ прочимъ, напоминаетъ опасность товарищей, данную клятву. Въ одно время всѣ роты на ногахъ. Напрасно дежурные офицеры останавливаютъ, грозятъ, просятъ,—все тщетно! Весь полкъ нестройными, но единодушными толпами выбѣгаетъ на площадь и собирается предъ госпиталемъ. Тутъ, удивленные и обрадованные неизвѣстною дотогѣ

имъ свободу, они предаются вполне своему восхищенію: другъ друга поздравляютъ, цѣлуютъ!

Но заблужденіе продолжалось недолго. Вскорѣ вспомнили они цѣль своего сборища и стали заниматься способами освободить своихъ товарищей, или въ противномъ случаѣ раздѣлить ихъ участь, наказать Шварца и не показаться бунтовщиками. Они сначала рѣшились не идти въ назначенный на завтрашній день караулъ, ежели не отдадутъ имъ государевой роты, подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ пристроиться не къ чему—голова нѣтъ! Къ тому же они почитали государя обиженнымъ, котораго роту безъ него посадили въ крѣпость!

Сею дипломатическою тонностію, вѣроятно, надѣялись они заслужить милость царя. По сей причинѣ не взяли они и ружей

Легко, впрочемъ, быть можетъ, что они въ душѣ были увѣрены, что царь не обвинитъ ихъ, потому что они правы; они же государя, который лично давно ими командовалъ, любили, думали, что его обманываютъ и ни единого оскорбительнаго слова противъ его лица во все время волненія сказано не было. Потомъ прехладнокровно отрядили 130 человекъ убить Шварца, но его не нашли. Онъ, какъ будто желая оправдать всеобщее къ себѣ презрѣніе, спрятался въ навозъ. Въ домѣ ничего не тронули, кромѣ семеновскаго мундира, отъ котораго оторвали воротникъ, говоря, что Шварцъ недостойнъ носить его. Мальчикъ, у него воспитанный и котораго почитали его сыномъ, попался имъ; они бросили его въ воду, но одинъ унтеръ-офицеръ его вытащилъ, говоря, что онъ невинентъ.

— Выростеть, да въ отца будетъ, тогда еще успѣемъ сладить!

Никакого буйства и излишества не было, хотя нѣкоторые и были пьяны. Хотѣли-было освободить арестантовъ, но преображенскаго полка офицеръ, который стоялъ въ караулѣ, попросилъ ихъ отойти и они не покушались болѣе.

Всѣ сіи несообразности и противорѣчія ихъ поступковъ объясняются, когда вникнешь въ ихъ положеніе. Они думали справедливо, что ихъ притѣсняютъ противъ воли и безъ вѣдома государя, и не взяли ружей. Они чувствовали свою справедливость и думали, что имъ отдадутъ оную—и ошиблись! Они видѣли, что Шварцъ достоинъ наказанья и хотѣли его наказать, никакъ не разбирая, имѣютъ ли на то право.

Мщеніе въ семь случаѣ раздраженной толпы превосходило природную доброту человѣка, которая оказалась на мальчикѣ. Впрочемъ, въ поступкахъ ихъ оказались тѣ-же чувства и мысли, которыя замѣчаются во всякомъ необразованномъ, естественномъ человѣкѣ. Дѣй-

ствія привычекъ и мѣнѣй, принятыхъ безъ разсужденія, ими управляли. Такъ они бросились освободить арестантовъ по какому-то сочувствію, но вспомнивъ слово: преступникъ, оставили ихъ въ покоѣ; оторвали воротникъ отъ мундира по внушенному уваженію къ лоскуткамъ. Впрочемъ, какъ требовать сообразности и разсудка отъ тѣхъ людей, которые въ первый разъ въ жизни только догадались, что они мыслить и разсуждать могутъ? Однако-же со всѣмъ основательнымъ страхомъ не показаться бунтовщиками, они главной цѣли—спасенія товарищей—изъ виду не теряли.

Въ семь волненій проходитъ ночь.

Полковникъ Ватковскій избѣщаетъ великаго князя. Полковой адъютантъ Васильчиковъ—Бибиковъ и прочіе офицеры, ничего не зная, готовились въ караулъ, но пріѣхавъ въ казармы, съ тѣмъ, чтобы взять свои отдѣленія, очень удивились, найдя полкъ неодѣтымъ и въ сборѣ. Они узнали причину, немногіе были опечалены. Солдаты обходились со всегдашнимъ почтеніемъ и вообще дисциплина неслабкомъ была нарушена.

Генералы, удивленные, встревоженные, но еще болѣе испуганные, вскорѣ собираются. Они опасались гнѣва императора и всякій снѣшилъ употребить свое краснорѣчіе, которое однако-же успѣха не имѣло, потому что справедливыя и рѣзки отвѣты солдатъ вскорѣ заставили замолчать людей, привыкшихъ говорить предъ молчаливымъ строемъ.

Первый пріѣхавшій, Закревскій, сказалъ имъ, „что ему стыдно смотрѣть на нихъ!“

— А намъ, отвѣчалъ впередъ выступившій старшій гренадеръ, на которомъ было 15 ранъ, ни на кого смотрѣть не стыдно!

Милорадовичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ пріѣхали за нимъ. Перваго слушали съ почтеніемъ, но жаловались на притѣсненія, говоря, что при немъ сего не было; второму отвѣчали прежнимъ молчаньемъ... Наконецъ Васильчиковъ, который, подъ предлогомъ болѣзни, присылалъ только повелѣнія, видя тщету оныхъ, рѣшился выѣхать самъ. Его встрѣтили не радостныя вѣсти; неизвѣстно почему, не взирая на его строгій видъ и привлекательную наружность, къ нему солдаты никакого почтенія не имѣли. Пріѣхавъ верхомъ, онъ спросилъ причину неудовольствія и почему не хотятъ строиться?

— Мы не можемъ служить съ полковникомъ Шварцемъ, отвѣчалъ полкъ въ одинъ голосъ, а не строимся потому, что нѣтъ у насъ главной государевой роты.

— „Шварца я уже отрѣшилъ, а назначилъ къ вамъ генераль-маіора Вистрома“—и весь полкъ поднялъ радостный крикъ.

— Я вашъ командиръ, ребята, закричалъ Бистромъ, довольны ли вы?

— Довольны, довольны! Мы рады служить съ вашимъ превосходительствомъ! Вы своихъ на работу пускаете!

— Ну, пойдемте-жь теперь въ караулъ!

— Нѣтъ, ваше превосходительство, въ караулъ идти не можемъ, государевой роты нѣтъ,—гдѣ она?

— Въ крѣпости, сказалъ Васильчиковъ, и ея отпустить нельзя.

— А намъ безъ нея въ караулъ идти нельзя, возразилъ полкъ; ведите и насъ туда же, мы также виноваты!

Удивительно было видѣть сей полкъ прежде блестящій, однообразный, одному движенію покорный, а теперь превращенный въ шумную, нестройную толпу; но еще болѣе удивленья было достойно единомысліе, одушевляющее эту нестройную толпу людей, единомысліе, которыми она горѣла только въ часы битвы, предводимая любимымъ начальникомъ. Тогда почитали ихъ героями, теперь—бунтовщиками! Тогда они забывали себя для пользы общей,—теперь хотятъ напомнить о своихъ страданіяхъ! Благодарность тяжела, мщеніе легко!

Между тѣмъ Васильчиковъ послалъ повелѣніе егерскому полку занять семеновскія казармы, гдѣ находились ружья; приказалъ вывести всѣ прочіе пѣхотные полки. Оба полка кирасирскіе, гвардейская артиллерія и два загородные полка были приготовлены. Всѣ генералы вмѣстѣ и по одиночкѣ уговаривали семеновцевъ повиноваться, идти въ караулъ,—они всякому отвѣчали съ почтеніемъ и покорностью, но пребыли тверды въ своемъ намѣреніи. Потемкину сказали:

— Ваше превосходительство! не просите, мы васъ любимъ, и намъ больно будетъ не послушаться, но дѣлать нечего: товарищи погибають!

Великій князь ничего отъ нихъ добиться не могъ—молчали.

Желая солдатъ поугаать, распустили подъ рукою слухи, что на нихъ идетъ конница и готовы 6 пушекъ. „Мы подъ Бородинымъ и не 6 видѣли“, возразили они. Послѣ сего съ радостію приняли вызовъ идти въ крѣпость. Хотѣли полкъ вести рядами, но они не пошли, говоря: „мы подъ арестъ идемъ, какъ ни идти—лишь бы тамъ быть“.

Такъ сивѣшили пользоваться минутнымъ облегченіемъ безполезнаго и тягостнаго бремени. Офицеры пошли съ ними. Въ крѣпости, сойдясь съ государевою ротою, они сказали: „вы вчерась за насъ заступались, а мы нынче—за васъ!“

Въ городѣ волненіе и тревога не переставали. Полки ходили безпрестанно; пушки везли, сваряды готовили, адъютанты скакали, народъ толпился, въ домахъ было недоумѣніе, не знали, что придумать

и что предпринять, опасаясь бунта, и даже мудрено, какъ страхъ мнимой опасности не произвелъ настоящей.

Васильчиковъ не разсчелъ, что ежели Семеновскій полкъ бунтуеть отъ того только, что онъ недоволенъ Шварцемъ, то два взвода достаточно для усмиренія безоружной толпы; ежели онъ предполагалъ другія причины, то сіи сѣмена неудовольствія существовали уже во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ, и принятія мѣры могли обратиться во вредъ, потому что всѣ угнетенные и негодующіе были собраны вмѣстѣ, и одна искра могла воспламенить всеобщій пожаръ бунта. Но на бунтъ ничего воложаго не было, чего Васильчикову нельзя было не знать, если знать только онъ что-нибудь могъ, или хотѣлъ. Вѣроятно, что Васильчиковъ всѣми этими приготовлениями желалъ въ глазахъ государевыхъ волненія Семеновцевъ показать бунтомъ и придать мнимою опасностію важность дѣлу, которое само по себѣ ничего не значило и до сей даже точки были доведены солдаты только его неосмотрительностію.

Посему видно, что неудовольствіе государя и сопряженная съ нимъ потеря мѣста, его болѣе ужасали, нежели влѣтва несчастныхъ и справедливое негодованіе Россіи.

Еслибъ онъ зналъ расположеніе умовъ, какъ счетъ пуговицамъ, то легко бы могъ предвидѣть послѣдствія своей строгости неумѣстной.

Узнавши обстоятельнѣе о первомъ движеніи, онъ бы увидѣлъ въ немъ не частное неудовольствіе одной роты, но справедливое неудовольствіе всего полка, равно угнетеннаго выбраннымъ имъ самимъ начальникомъ. Еслибъ онъ тогда же назначилъ инспекторскій смотръ, вмѣсто того, чтобъ сажать солдатъ въ крѣпость, а на смотру принималъ бы дѣльныя жалобы и, уваживъ справедливость оныхъ, отрѣшилъ бы Шварца, такъ какъ онъ чрезъ нѣсколько часовъ и сдѣлалъ, то смѣло можно ручаться, что полкъ никогда бы не дошелъ до крайности неповиновенія, но еще благословилъ бы его справедливость, а посторонніе похвалили бы его благоразуміе. Онъ неповиновеніе власти принималъ за бунтъ, не разсмотрѣвши не только что законна-ли она, но даже благоразумна-ли и есть-ли способы исполнить ея предписанья? Ежели солдатъ не долженъ разсуждать, и такъ какъ нѣтъ возможности повиноваться безразсудству, то не всякое неповиновеніе достойно наказанія. Васильчикову показалось гораздо легче за свою вину казнить другихъ.

Ежели бунтомъ назвать неповиновеніе законамъ, то первый бунтовщикъ — Шварцъ, потому что онъ поступалъ противъ законовъ; но нарушеніе законовъ солдатами было природнымъ слѣдствіемъ поступковъ Шварца. Еслибъ вздумалось Шварцу приказать разграбить дворецъ, вѣроятно, что и самые страстные охотники дисциплины скажутъ,

что полкъ имѣлъ право не слушаться его и представить его повѣнны на видъ высшему начальству, не для того, что дворецъ тутъ замѣшанъ, но потому, что поступокъ сей противузаконный, а высшее начальство не терпитъ нарушенія законовъ. Тутъ случай подобный. Шварцъ училъ въ неопозволительное время, не соблюдалъ праздниковъ, билъ солдатъ за ученіе, и за всякія бездѣлицы наказывалъ строжайшимъ образомъ, чѣмъ преступилъ законы не только здраваго смысла и челоуѣколюбія, но и законы военного устава, гдѣ подобныя поступки именно запрещаются. Слѣдовательно полкъ, упираясь на существующій уставъ и предполагая, что и высшее начальство сего терпѣть не можетъ, рѣшился принести прописанную выше жалобу на нарушителей законовъ; а тотъ не бунтуетъ тѣмъ, что выставяетъ незаконныя поступки бунтовщика.

Пусть одинъ здравый смыслъ разберетъ и рѣшить, кого тутъ обвинять надобно? Солдатъ-ли, которые, не въ состояніи будучи болѣе сносить всѣ несправедливыя истязанія начальника, пришли сказать прямо, законнымъ порядкомъ, — потому что рота во всякое время можетъ говорить съ своимъ капитаномъ, — или тѣхъ, которые дали имъ начальника неспособнаго управлять ими? Всякій бунтъ предполагаетъ насиліе. Они угрозъ не употребляли, ружья оставили въ казармахъ и добровольно пошли въ крѣпость. Сей поступокъ могъ повредить ихъ дѣлу, но вины имъ не придалъ. По всему кажется, что все сіе можно было кончить, не упоминая слова бунтъ, и никому не показавъ, что бунтовать можно.

На другой день Васильчиковъ, изъ предосторожности, положилъ полкъ раздѣлить на части и разслать по разнымъ городамъ. Для сего снова всѣ генералы съѣхались въ крѣпость уговаривать солдатъ раздѣлиться. Они долго не соглашались, наконецъ просьбы и увѣренія Милорадовича подѣйствовали. Еще полагаясь на высшее правосудіе, они покорились судьбѣ своей. 2-й баталіонъ рѣшили отослать въ Кексгольмъ, 3-й моремъ въ Свеаборгъ, а 1-й, для производства надъ нимъ военного суда, оставить въ крѣпости.

Принявъ сія мѣры, Васильчиковъ успокоилъ жителей, но самъ покоенъ не былъ. Онъ чувствовалъ себя виновнымъ, по крайней мѣрѣ въ неблагоразуміи и зналъ, что Милорадовичъ не преминетъ довести до свѣдѣнія императора все происшествіе въ истинномъ его видѣ. Первое потому, что графъ, всегдашній защитникъ невинныхъ, особенно воинновъ, свидѣтелей и сподвижниковъ его славы и потому еще, что Милорадовичъ личный соперникъ Васильчикову, который своими происками успѣлъ заступитъ его мѣсто въ начальствѣ гвардіи.

Васильчиковъ зналъ, что графъ писалъ уже къ императору и рѣ-

шилса попробовать пожертвовать всѣми, чтобъ оправдать только себя. Странно показаться можетъ, что въ президенты суда выбранъ человѣкъ, который никогда не отличался глубокими свѣдѣніями и еще болѣе справедливостію.

Но вотъ причины. Полагаясь на деспотическій и сумасбродный нравъ судьи, Васильчиковъ думалъ, что никто скорѣе Л* не обвинить младшихъ въ дѣлѣ со старшими, а справедливость могла бы тутъ помѣшать. Второе, хотѣлось угодить государю, выбрать человѣка имъ любимаго и потѣшить сей надежной довѣренностію самаго Л*, котораго онъ боялся. Послѣ сего послалъ онъ съ адъютантомъ своимъ, ротмистромъ Чаадаевымъ, государю полное донесеніе всего случившагося. Въ сей любопытной бумагѣ онъ, обвинивъ всѣхъ — Шварца въ неумѣніи командовать, солдатъ въ нехотѣніи повиноваться и офицеровъ, какъ неовазавшихъ должной твердости, въ подобныхъ обстоятельствахъ — кончилъ наказатъ всѣхъ строжайшимъ образомъ. Въ ожиданіи отвѣта, довольный увѣренностію — пострадать не одинъ, заперся дома и никому не показывался подъ предлогомъ болѣзни.

3-й баталіонъ, отправленный сухимъ путемъ въ Кексгольмъ, дошелъ довольно хорошо, потерпѣвъ только отъ наставшей погоды и сильнаго морозу, ибо имъ не дали времени взять ничего теплаго. 2-й, отправленный моремъ въ Свеаборгъ, былъ гораздо несчастнѣе. Ихъ въ Кронштадтѣ не приняли, потому что повелѣніе было тотчасъ отправить баталіонъ въ путь; но какъ мореплаванье уже кончилось и готовыхъ судовъ не было, многіе перемерли отъ простуды, другіе отъ духоты, нѣкоторые отъ недостатка пособій. Наконецъ ужасные три дня кончились; солдатъ посадили на послѣдніе три фрегата и отправили въ Свеаборгъ. Поднявшаяся буря раздѣлила корабли и отбросила одинъ въ Ревель, а о другомъ долго не знали, гдѣ онъ. Причина, заставившая Васильчикова поступить столь жестокимъ образомъ съ людьми, которыхъ онъ, если не въ бумагѣ къ императору, то въ душѣ еще болѣе признавалъ невинными, было одно желаніе оправдать себя, показавъ государю ихъ бунтовщиками, которыхъ опасно въ городѣ держать. Не могъ онъ сказать, что поступаетъ такимъ образомъ для примѣра, потому что, по словамъ сей же бумаги, примѣръ послушанья Семеновскаго полка имѣлъ болѣе хорошее, чѣмъ дурное вліяніе на прочія войска. Если онъ не достигъ цѣли, то по крайней мѣрѣ нельзя сказать, чтобъ его остановилъ выборъ средствъ.

Въ столицѣ между тѣмъ уныніе и ропотъ былъ всеобщій. Гвардейскіе полки грозили вступить за товарищей. Находили подброшенные прокламаціи. Люди, одни тронутые бѣдственнымъ положеніемъ

солдаты, другіе по одному желанію перемѣны, поджигали неудовольствіе. Жители опасались возмущенія. Полки переведены были (?) ночныхъ разъѣздовъ: многихъ хватали по улицамъ и воинскимъ судомъ угрожали. Полиція скакала съ обыкновенною дѣятельностію и разогнала толпы народныя. Семеновскія казармы опустѣли и затихли; однѣ жены и дѣти, которыя останавливали толпы прохожихъ со слезами и спрашивали, не знаютъ-ли чего объ участи мужей и отцевъ, рассказывали жестокости Шварца и подробности происшествія, какъ будто утѣшаясь извѣстностію въ наказаніи несправедливости. Крѣпость, въ которой томилась несчастные остатки прекраснѣйшаго полка, наводила мрачный ужасъ и содроганье за узниковъ; страшились всего, что можетъ выдумать мщеніе и сокрыть мракъ.

Родственники отпавшихъ офицеровъ, не имѣя объ нихъ никакого извѣстія и почитая ихъ погибшими, въ извинительной горести обвиняли Васильчикова. Милорадовичъ вездѣ говорилъ, что въ ногахъ у государя будетъ просить его выслушать, доказывалъ всѣмъ извѣстную невинность семеновцевъ и поджигалъ общее справедливое негодованіе на корпуснаго командира.

Все общество раздѣлилось. Бѣльшая часть поддерживала Милорадовича; меньшая—защищала Васильчикова; нѣкоторые заступались даже за Шварца, котораго уже на третій день отыскали.

Положеніе всѣхъ было нервнѣйшее и затруднительное. Никто не зналъ мнѣнія государя и всѣ ожидали его съ равнымъ нетерпѣніемъ, потому что уже всякій объявилъ свое. Незвѣстность, присутствіе шпионовъ раздражали ожиданіе въ обществѣ. Л* дѣятельно продолжалъ судъ и, сверхъ чаянія, оправдывалъ семеновцевъ, потому что онъ, справедливо презрѣнный въ мысляхъ общества многими жестокостями и нѣкоторыми убійствами, воспользовался симъ случаемъ примириться съ общимъ мнѣніемъ. Его намѣреніе жениться на знатной и богатой дѣвушкѣ сего требовало. Васильчиковъ былъ, или сказывался больнымъ.

Вдругъ указъ императора рѣшилъ неизвѣстность, прекратилъ споры и судъ, наложилъ молчаніе на мнѣнія и удивилъ всѣхъ скоростію и неожиданностію приговора. Симъ указомъ повелѣно: всѣхъ нижнихъ чиновъ въ полки раскасировать, офицеровъ перевести обыкновеннымъ порядкомъ въ армейскіе полки, а 1-й баталіонъ и Шварца предать военному суду *).

*) См. письмо императора Александра I-го отъ 5 ноября 1820 г. къ Аракчееву о «бунтѣ Семеновскаго полка», «Русская Старина» т. I, изд. первое, стр. 63—65; изд. второе стр. 480—482. Вотъ письма императора Александра I-го,

Указъ немедленно былъ разосланъ по баталіонамъ Семеновскаго полка. Какъ громомъ пораженные, слушали семеновцы его чтеніе; нѣкоторое время самимъ себѣ не вѣрили, — наконецъ, послѣ продолжительнаго окаменѣлаго молчанія, зарыдали, облились слезами, обнимали другъ друга, прощались на вѣки, какъ-будто шли на вѣрную смерть и съ негодованіемъ увора показывали на многочисленныя свои раны, какъ-будто желая сказать: того ли мы за нихъ ожидали?... И люди, которые смыкались тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ убійственнѣе былъ огонь, отъ одного слова противъ воли разсыпались по землѣ.

Офицеры тотчасъ получили повелѣнія развести порученные имъ отряды по назначеннымъ полкамъ. Какъ будто желая усугубить мученья солдатъ, провели ихъ въ виду Петербурга, но зайти не позволили. Въ самомъ городѣ ихъ жены и дѣти, которыхъ выслали, представляли зрѣлище не менѣе горестное, но болѣе плачевное: въ стужу, въ сырость ихъ спѣшили гнать толпами; полунагія женщины съ груд-

при которыхъ былъ отправленъ извѣстный приказъ его по арміи о безпорядкахъ въ Семеновскомъ полку:

I. Господину московскому военному генераль-губернатору, генералу отъ кавалеріи князю Голицыну. Вы легко можете судить съ какимъ прискорбіемъ принялъ я извѣстіе о неслыханномъ никогда въ російской арміи происшествіи, случившемся лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку. Изъ прилагаемаго при семъ въ копіи отданнаго мною по арміи приказа и повелѣнія командующему гвардейскимъ корпусомъ, усмотрите вы какія мѣры посему взять мною. Препровождаю сіе для свѣденія вашего, и соображенія въ нужныхъ случаяхъ вашихъ по оному отзывомъ. «Александръ».

II. Командующему гвардейскимъ корпусомъ генераль-адъютанту Васильчикову. Съ душевнымъ прискорбіемъ получилъ я рапортъ вашъ отъ 19-го октября о неслыханномъ и постыдномъ происшествіи случившемся Лейбъ-Гвардіи въ Семеновскомъ полку. Изъ прилагаемой при семъ копіи съ отданнаго мною по арміи приказа усмотрите вы сужденіе мое о семъ приключеніи и сдѣланное на счетъ полка сего мое распоряженіе. Сердечно больно было мнѣ разстаться съ прежними моими сослуживцами, но сего требовала честь російской арміи, російскаго мундира. Полки оную составляющіе должны внушать справедливо полную довѣренность; колыми паче носящіе имя російской гвардіи. Нынѣшній составъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, послѣ случившагося въ ономъ своевольства, потерялъ такую довѣренность, и посему не могъ уже болѣе существовать въ нынѣшнемъ его положеніи. Честь имени сего полка, по всей справедливости, слѣдуетъ сохранить; на укомплектованіе коего достаточно отличныхъ воиновъ въ Російской арміи.

При объявленіи прилагаемаго приказа повелѣваю вамъ внушить всему гвардейскому корпусу важность преступленія нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, и наказанія имъ понесеннаго, которое да послужитъ примѣромъ прочимъ къ удержанію ихъ навсегда въ должномъ порядкѣ. «Александръ».

Письма эти въ копіяхъ сообщены намъ П. А. Ефремовымъ.

Ред.

35*

ными младенцами и дѣти воплемъ и рыданіемъ оглашали воздухъ. Напрасно просили нѣсколько часовъ сроку, чтобы забрать свои пожитки, напрасно больные и слабые молили о помощи. Само небо казалось отъ нихъ отступило

Нѣкоторые офицеры бывшаго Семеновскаго полка явились точно достойными своего званія. Одинъ изъ нихъ, подпоручикъ М... по многократномъ представленіи, что у людей нѣтъ сапоговъ и получивъ въ отвѣтъ, что его дѣло вести, а не представленія дѣлать, употребилъ свои 2,000 руб. и пошилъ сапоги имъ. Въ извиненіе многихъ и къ оправданію нѣкоторыхъ должно сказать, что сдѣлали бы тоже, но не имѣли способвъ.

Участъ сихъ несчастныхъ рѣшилась, но оставались юнкера. Не знали къ какому классу ихъ причислить. Въ приказѣ сказано: нижнихъ чиновъ перевести въ разные полки, также и офицеровъ, по обыкновеннымъ переводамъ, т.-е. съ повышеніемъ. Такъ какъ юнкера дворяне, то ихъ на дѣлѣ никогда не смѣшивали съ нижними чинами, тѣмъ болѣе, что они, прослужа годъ въ гвардіи подпрапорщикомъ, имѣли право выходить въ армію офицерами. Васильчиковъ сдѣлалъ объ этомъ запросъ, но получилъ выговоръ за то, что осмѣлился разсуждать и повелѣніе поступать по словамъ закона. Юнкеровъ перевели тѣми же чинами, вскорѣ однакожь почувствовали ошибку и безполезную несправедливость и отдали имъ чины.

Сей случай, самъ по себѣ ничтожный, ясно доказываетъ, сколь мало Васильчикова уважали. Легко быть можетъ, что тутъ дѣйствовала досада, произведенная исторіею.

Васильчиковъ, распорядившись съ Семеновскимъ полкомъ, какъ выше сказано, читалъ указъ во всѣхъ прочихъ гвардейскихъ полкахъ. Офицерамъ говорилъ рѣчь, въ которой желалъ доказать вредныя слѣдствія свободомыслія и кончилъ угрозою, что со всѣми будетъ то же, что и съ Семеновцами.

Собравши всѣхъ генераловъ и обратись къ Розену и Потемкину, которые болѣе прочихъ противъ него возставали, приказалъ имъ теперь молчать, потому что самъ государь съ нимъ былъ одного мнѣнія. Сильнѣе аргумента онъ употребить не могъ, и дѣйствительнѣе никакъ. Всѣмъ полкамъ дѣлалъ инспекторскіе смотры, на которыхъ принималъ уже жалобы солдатъ, а командирамъ совѣтовалъ быть поосторожнѣе.

Солдаты тотчасъ почувствовали перемѣну обращенія и начали узнавать права свои, которыя одними были отняты, а другими забыты. Случилось, что обыкновенно при семъ случается: одни начали

требовать, а другіе не хотѣли уступить; одни свергали его, другіе не умѣли его упрочить. Желанія порядка новаго съ привычкою къ старому боролись. Самовластіе узрѣло соперника въ безначаліи, волненіе было сильное. Умы возгарались, кипѣли мщеніемъ, негодовали на несправедливое требованіе, разсуждали о бесполезности многого и грозили показать себя людьми, отмстивъ правителямъ. Трудно было предположить, чѣмъ все это могло окончиться; часъ отъ часу броженіе умножалось. Вдругъ объявленъ походъ. Походъ порадовалъ многихъ, опечалилъ нѣкоторыхъ, польстилъ надеждою всѣмъ и произвелъ желаемое дѣйствіе, обративъ умъ къ другому предмету.

Никто еще не зналъ, куда идти. Правительство, зная пристрастіе войска къ походамъ заграничнымъ, распускало слухъ, что пойдутъ въ Италію. Тогдашнія ея политическія дѣла были благовиднымъ сему предлогу. Вскорѣ однакожь замѣтили хитрость и увидѣли настоящую цѣль сего движенія—цѣль, чтобы чѣмъ-нибудь занять войско. Открытіе сего намѣренія умножило недовѣрчивость къ правительству и произвело новыя безпорядки. Солдаты съ радостію хотѣли идти за границу, потому что тамъ прибавляли жалованье, пища была лучше и, чувствуя въ нихъ нужду, съ ними обходились человѣколюбивѣе; а въ теперешнемъ походѣ видя одну перемѣну мѣста, а совсѣмъ не своего положенія, принужденные оставить семейства, нѣкоторыя заведенія и къ тому же не видя никакой пользы отъ трудовъ своихъ, роптали, и говорили: „мы идемъ бить невидимку“! Офицерское положеніе было и того хуже. Удаляясь отъ пособія століцы, они разорялись излишними расходами или покупая дорогими цѣнами вещи, нужныя для похода, и за безцѣнокъ отдавали свои экипажи, мебель и пр. И за всѣ сіи безповойства не предвидя ничего, кромѣ скуки, досадовали и не всегда были скромны! Еще болѣе умножало ихъ негодованіе то, что всѣмъ симъ обязаны они жертвовать прихоти одного человѣка, котораго они не уважали и давно любить перестали.

Всѣ сіи причины, соединясь, заставили скорѣе вывести гвардію, нежели думали, и безъ нихъ вѣроятно бы ее только что пугали походомъ.

На дорогѣ ихъ встрѣтилъ Государь, возвращавшійся изъ Лайбаха; осмотрѣлъ всѣ полки и хотя они далеко были отъ порядка, но онъ хвалилъ все и казался всѣмъ доволенъ. Вскорѣ отнялъ дивизіи у Розена и Потемкина; Васильчикова и Желтухина, который формировалъ новый Семеновскій полкъ, наградилъ.

Теперь 60 тыс. отборнаго войска разсыпали по всей Польшѣ,

безпрестанно заняты и ничего не дѣлають, угнетены бесполезными трудами и лишены надежды видѣть когда-нибудь сему конецъ.

Вотъ положеніе солдатъ! Офицеры можетъ быть еще несчастнѣе: всякій изъ нихъ получилъ образованіе и готовился употребить оное въ свою пользу, и теперь лишены всякаго упражненія, удалены отъ людей разсуждающихъ, раздѣлены межъ собою, обречены составлять часть будущей машины и отданы на жертву скуки и разврата.

.....
 Полтора года продолжалось изгнаніе гвардіи. Наконецъ послѣ смотра подъ Бѣшенковичами, гдѣ былъ данъ великолѣпный обѣдъ отъ офицеровъ царю, они были возвращены.

По приходѣ въ С.-Петербургъ, впалъ въ немилость Левашовъ. Васильчиковъ, получившій ленту, былъ отставленъ отъ начальства гвардіею и впалъ въ первое ничтожество, изъ котораго ему, для покоя младшихъ и для чести старшихъ, никогда бы выходить не слѣдовало.

На его мѣсто поступилъ Уваровъ, извѣстный своею глупостію; но послѣ Васильчикова и онъ показался хорошъ

Сообщ. А. Н. Асанасьевъ.

